

1.11 О возрождении стиля и вырождении образа

Драгоценные образы, самооткровенные, при-открытые Господом к нашему восстанию из духовного пепелища, из имперского небытия, от озверелого без-образия конца времён. По великой благосклонности, благо-волеию, благо-промышлению о Руси – возвращается нам образ. Как принять этот пре-подаваемый дар неумелым рукам, неготовым душам... Как вос-соединить утраченное единство с наследственным велико-лепием образотворчества. Приоткрыты образы – но не увидеть их очам затворённым. Известна технология... но не восстановить былой красоты и полноты растворения образа пред Господом и вос-приемлющими людьми. Станем ли критиковать со-временное нам, имея пред собою столь высокие образцы в невозвратном прошлом. Легко пред-ставить себе творимое без-образие враждебным себе и против-борствующим с литургией, особенно, если творимое под видом образа таковым вовсе не является... Выдохнем ли обезсиленно в невозможности воз-родить от себя – утраченное... Воз-несём ли упование ко Господу о даровании видения и сил к восприятию, воз-рождению, вос-становлению утраченного. Разбирая, рассматривая древние образцы, - не оставим молитвенных упований на милосердное снисхождение Божие к нам.

Можно ли говорить о возрождении образа, занимаясь возделыванием, восстановлением стилистической схожести с древними художественными высотами, истончаясь в технической гибкости, лёгкой творческой много-стильности. «Хорошему мастеру» нынче не составит труда творчески мимикрировать меж стилями и формами, подражая чему угодно... под-чиняя кисть любому из выбранных иконных «пошибов». Видится, что подражательность образцам – ложный путь, приучающий к следованию внешней форме, порабощающий мастера стилю. Венец этого путешествия на ложном пути – без-образие многостильности, формальная немощь. Даже и в случаях творческих

стилистических удач копииста, технического подражателя, творца, пленённого стилем не-со-образным ему самому... Можно ли внятно о-пределить без-образие во внешней стилистической схожести иначе и точнее, чем бывало у Станиславского по иным поводам: «не верю». Молчит образ, такой замечательный и красивый, такой похожий на рублёвский... - молчит. Воздвигнем свечу перед этим молчанием и не отойдём оскорбленно, и не оставим своих упований.

Особенно грустно, почти невыносимо без-образие внутри храма, украшенного монументальной живописью, обступившей ото всех сторон. Внутри пространственного образа без-образного. Без-образие в изображённом буквально стискивает внутри себя, заставляет удаляться в келлии внутренней «тайной свободы», вопреки самой сути литургии. В чём, собственно, беда и есть ли некое место бедственности? Принципиально неприемлемо встречаемое повсеместно следование стилевому подражательству при логосной не-со-образности иконного храмового пространства и литургии. Уже ли беда в некоем неразумии, в не понимании задачи, в практической невозможности вос-становить единения живописи с литургией? Уже ли оскуде преподобный во изографах... а могут ли быть иными образотворцы, обрамляющие, о-формляющие, образующие, во-ображающие живописью – живое таинство Бога Живого.

Возможны ли какие – либо стилистические оправдания безобразию. Живописные про-явления, про-изведения, лишённые образа в храме, – словно бы гробы повапленные, лишённые жизни. Успокоит ли кого-нибудь легкомысленное самооправдание в духе «на вкус и цвет...», оправдание неприкосновенностью личного пространства образотворчества, права на свободу выражения, утешит ли внешняя схожесть и стилистическая «каноничность» изображённого. Удалимся и от самого обсуждения в этом ключе. Поваплен гроб. И удалимся внутренне, не ожесточая сердца и молясь о вразумлении. Повсеместны теперь подмены символа – стилем, подражательная изобразительность вместо свободного образотворчества. Беспутен образ такой и стиль в нём – образо-творческий тупик, пустой и печальный, Несть им числа теперь. Скудны примеры иные. Простите.

Повсеместны – смешения творящих и противо- речащих рук, творческих видений, совмещённость несовместного, как бы в общем делании не существовало единого право-правлящего сердца, - мастера ли, окормляющего пастыря доброго. Не в чести изнутри творящей братии про-износить суждений... а мы и не из их числа – но не про-изнесём их, оставив каждому, испросить у своего сердца отзывчивости видимому образу... Что ж, «достать чернил и плакать...» внутри этого без-образия, столь близкого к нашему собственному. Утешит Господь – веруем и уповаем. И алчем чистоты, скулим о высотах не-видимых.

Вот, пусть безадресно теперь - утешительное стилем и общей цветовой, композиционной гармонией впечатление. Но пред-ложит ли эта живопись мне, пользуясь словом молитвы покаянной ко причащению, - предложит ли – образ покаяния – к перемене ума управляющий моё безобразие. Возможно ли с иной жадью, с меньшей взыскательностью обратиться к иконе, к образу храмового пространства.

Сколь обычно теперь: храмовое изобразительное убранство оставляет впечатление поставленной и решённой задачи формирования средствами живописи имперского

иконописного космоса, присущего византийской мозаике. Вместе с тем, концентрированная изобразительная экспрессия, словно бы не связана с образом, не является единым образным пространством, целостным образом, помимо общей цветовой гармонии и стилевого единства. Образ словно бы вырождается в экспрессию, декора, экспрессию безупречных форм, цвета, традиционных и инновационных, зачастую – к недоумению предстоящего, - композиций. Сравним ли хорошую современную нам живопись с великолепием чаши, лишённой содержимого. Причиной ли тому свежесть, ненамоленность, нежелание новизны и осторожность перед высвобождающейся творческой свободой. Жажда о встрече самобытного творчества, торжествующего творчески над под-чинённостью стилю. Так повсеместно теперь стилистически – довлеет 16-й век московской школы, буквально опутывая своих последователей. Довлеет и оправдывает всякую, так часто необоснованную и странную новизну. Новаторство, мимикрируя под век 16-й надеется на безусловную «каноничность» и безусловное восприятие. Возможно ли не принять того, что создано «в каноне» и создано технически безупречно. Возможно ли не принять живописи, даже если собственно образ выхолощен ею, подавлен изобразительной мультипликативностью, образной разобщённостью целого на множество несо-гласных фрагментов, не объединяемых ничем, кроме стиля и близости цветовой гаммы. Опять «на вкус и цвет», - безусловно, мнение сугубо личное. Да, и на вкус, и на цвет личного восприятия – выхолощивается образ и умерщвляется в разобщении, подавляется и погребается под великолепием декора. Раз-розненные изображения, религиозные картины, монументальные иконы насильственно пытаются преодолеть своё разобщение, гибель своей со-образности Первообразу и собраться, оживотворить себя единством в общности стиля или общности орнамента, сплетающего, словно бы связующего растительными или геометрически выверенными узлами рассыпающееся единство... по сути – усиливаются воссоздать, воз-родить целостность образа, который не является таковым... - печально о современном...

Порою утешит стиль, но утолит ли... Сколь часто теперь отчаиваемся выискать и пытаться осознать суть программной логики всего комплекса живописного убранства храма, - искренне говоря, это занятие представляется достаточно безблагодатным.

Следует ли воспринимать разделённо каждый из композиционных ярусов... каждое изображение в отдельности от других. Повторимся, разрушенная логосность, мультипликативность не сможет быть собранной воедино никакой замечательной, безукоризненной «каноничностью» стиля. Действительно ли каноничность перед нами, не есть ли это лишь прельстительная облатка, в которую (по неведению ли только) – вмещена ядовитая пиюля, в лучшем случае не пользующая нимало. Уже ли и здесь молиться, не смотря на образ, вопреки ему, разделяющему литургию.

Легко ли ругать родное? Нет, не для внешнего уха это суждение и не для осуждения вовсе, не для утверждения себя во мнении своём... отнюдь. Плачь к ближним на руинах монументального образа ... на пепелище образотворческой преемственности... на гноище неразумия и превратного само-надеянного толкования, – плач об утраченном образе, как о потерянном рае...

Обратная сторона, противоположная грань повреждения образа – в допустимости безусловной, неограниченной ничем, вне-любвонной свободе творческих само-проявлений

мастера, не удерживаемых ничем внешним, никаким законом, никакой «каноничностью». Когда творческое начало – превыше всего, пре-выше самой возможности чтущему – разуметь, пред-ставшему - воспринять произведение, касающееся исключительно личности творившей. В неограниченной свободе отворяются шлюзы к совершенной трансформации стиля до без-образия. Базилика Благовещения в Назарете – упомянем только о ней, как иллюстрации к нашей печали.

Невозможна без реальной утраты религии – связи твари с Творцом – даже исподволь, не вполне осознанная, но существующая повсеместно попытка подменить образом - Самого Бога... подменить Бога - Его образом... забыть Бога и укорениться, утвердиться в этом Бого-забвении, оправдываясь образом, держа образ пред собою. Если в образе не предполагаем Первообраза, не имеем Его перед собой вместе с образом, то сам образ будет только помехой ко всяческой перемене, к нашему восстанию, возвращению в руцы Господнии... образ будет усладительной декорацией к нашему забвению, оправданием нашего обезБоженого бытия. Изучение образа, рассмотрение его вне Самого Бога станет одним из проявлений цивилизационного оправдания без Божного мира. Оправдание мира – цивилизацией, любострастным искусство-ведением, в котором нет спасения, нет Христа, нет исхода за пределы видимого и падшего мира. Бог будет заменён «праздником искусства, томительным утешением музыки» - по ёмкому высказыванию Лосского. Бог будет заменён Его образом в нашей жизни, в наших ощущениях, в навыках нашего чувствования, в нашем сознании, ищущем этой подмены, жаждущем обмануться. Утратившим живого Бога человеку будет востребована и легко обретена эта суррогатная подмена жизни её изображением. Вос-соединение с Богом в падшем, от-павшем человеке легко и желанно подменится размышлением об образе, искусство-ведением вне Христа.

Плод безблагодатного, ложного образотворчество – образная разделённость человека и Бога, разделённость мира и Бога, расщеплённость и разделение образного мира в самом себе. Все же с тем, миру, сотворённому целостным, должно быть и от-ображённому, и воспринятому таковым. И пространственный образ в храме не может быть создан и воспринят, как нечто дробящееся, расчленённое, разобщённое, не связанное внутри себя в единую логосную структуру. Подобное образное построение будет противоречить естественному природному Божьему порядку, естественному мироустроению и станет против-положным, превратится в некий анти - образ. Если весь сотворённый мир является целостным внутри себя, взаим-связанным, взаим-зависимым в своих частных проявлениях и составах, то пространственный образ храма, если не поддерживает этой внутренней целостности - против-стоит и разрушает естественную логосность этого мира, против-положен миру, сотворённому Богом, является частью против-речащей, частью анти-мира, противречащей замыслу Творца о творении, вносим хаос без-образия в мир гармоничный, в мир космичный. Выскажемся ещё полнее: расцепляющийся внутри себя образ – прямо восстаёт на Бога и мироустроение Его. Древние мастера - образотворцы, подобные Феофану, несомненно понимали это и не могли ни помыслить в себе, ни про-извести из себя внутренне раз-общённый, логосно расщеплённый пространственный образ.

Возвращая себя в русло размышлений на пути к Ильинскому храму, как не восхититься, не воспринять душевной радостью о великом стилисте – Феофане. О Богослове и гении религиозного видения – образотворце Феофане.... О творце традиции - развивающейся, углубляющейся, очищающейся от наносного и несущественного – о

мастере Феофане... Мы можем допустить чрезвычайную восприимчивость современников Феофана к творческой свободе мастера, и развивающейся им традиции в образе и образном пространстве литургии, можем представить себе высокую воспитанность в народе Божьем особенного свойства, почти совершенно не присущего нам, - естественного и живого восприятия образа, как пространства личной и общей молитвы, неотделимой части общего литургического делания, в непосредственной связи с Первообразом – Богом.

Усилимся же открыть в себе наследственное – наше - свойство живого образного Боговосприятия в про-явлении перед нами истинного творчества, зело хитрой изографии, текущей между сциллой безграницной свободы творения и харибдой закона формирования образа. Управлено это творческое течение, несомненно, - благоволением Любви Господней к мастеру, к Святой Руси, со-временной ему, к нам, грешным, недостойным – и удостоенным этими образами. Приблизимся же благоговейно.

Изыскана вязь, - из небытия изводит стило
Пред-утренний бриз, пред-чувствие дня, как прорись иконы,
Подобье Творца – у плоти больной, в душе беззаконной
И образ Его едва различим – так мутно стекло, -
Так хрупко оно, - чуть зыблется блик и око – темно.
Что движет рукой? Фантомная боль о крыльях исконных?
Безумие сна угасших сердец и лбов толоконных?
Себе вопреки – рождается стиль – певца ремесло.

Без-образна смерть. А лютый дракон – подobia чаает
И лжёт изувер, подняв к небесам злочастный язык, -
Не внидет в Любовь природа его, - скрежещет, стеная:
Извержена – вон! Вос-принята песнь, как жертва иная.
Воспрянула грудь... слеза изошла... затеплился лик.
Немеркнувший Свет Себя узнаёт – и тихо встречает.